

К

О

Б

О

А

Б

Э

Т

Е

Т

-

Р

А

Д

ь

К

Е

Н

-

Г

У

Р

У

Большой роман

Кобо Абэ

Тетрадь кенгуру

«Азбука-Аттикус»

1991

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Тетрадь кенгуру / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1991 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-13751-6

Впервые на русском – последний роман всемирно знаменитого «исследователя психологии души, певца человеческого отчуждения» («Вечерняя Москва»), «высшее достижение всей жизни и творчества японского мастера» («Бостон глоуб»). Однажды утром рассказчик обнаруживает, что его ноги покрылись ростками дайкона (японский белый редис). Доктор посылает его лечиться на курорт Долина ада, славящийся горячими серными источниками, и наш герой отправляется в путь на самобеглой больничной койке, словно выкатившейся с конверта пинк-флойдовского альбома «A Momentary Lapse of Reason»...

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-13751-6

© Кобо Абэ, 1991
© Азбука-Аттикус, 1991

Содержание

1	6
2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Кобо Абэ

Тетрадь кенгуру

Kobo Abe

Kangaroo notebook

Copyright © 1991 by Kobo Abe

© С. Логачев, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017 Издательство
Иностранка®

1

Дайкон дает ростки

Это должно было быть утро, как прочие.

Чуть наклонившись вправо, я придавил локтем край развернутой газеты и впился зубами в хрустящий тост, толсто намазанный паштетом из печенки с сельдереем. Перескакивая глазами с одного газетного заголовка на другой, промочил горло глотком горького кофе. Разжевал три помидорчика черри – для здоровья полезно.

Снизу по ногам побежали мурашки. Я задрал штанину пижамы, почесал ногу. Ощущение было, будто я содрал тонкую кожицу или пленку. Или грязь? Я посмотрел на свет. Это не грязь и не кожа. Что-то вроде сухой колючей щетины. Волосы? Наверное, если их подпалить зажигалкой, такие и получатся. Хотя подпаленные волосы имеют специфический запах. Я засучил обе штанины и устроился на стуле, подтянув колени. Волосы на ногах исчезли. Все до единого. Остались лишь поры, усеявшие ноги, словно маковые зернышки. Не будь их – кожа была бы совсем как у ребенка. Я не могу похвастаться богатым волосным покровом, а посему это открытие меня не очень взволновало. Что такого? Натянешь штаны – и ничего не видно.

Куда делись волосы? Неужели выпали? Психогенная реакция? Может, и так. Выходит, из-за нервов волосы не только на голове выпадают.

Месяца три назад в нашей компании поставили «ящик для рацпредложений» и каждого сотрудника обязали два раза в месяц предлагать какое-нибудь новшество. В любой форме. Пусть даже идея, все равно что. Тем, чьи предложения будут приняты, обещали хорошие премии. Я на премию особо не рассчитывал, но раз обязали – надо что-то придумывать. Скорее в шутку, чем всерьез, быстро черкнул на листке и бросил свое в ящик.

Там была только одна строчка:

«КЕНГУРИНАЯ ТЕТРАДЬ».

И больше ничего.

Однако, к моему изумлению, на эту убогую записку обратили внимание. Я получил указание явиться в отдел развития. Интерес проявил лично начальник отдела.

– Эта штука... ерунда. Так... мелькнуло что-то в голове. Тут и обсуждать нечего.

– Напротив. Полагаю, у тебя есть эскиз, наброски какие-то.

– Просто я интересуюсь кенгуру...

– Вот и замечательно. Мне тоже они нравятся. Сама идея хороша, и звучит здорово. Что-то в этом есть!

– Мне интересны биологические особенности этих животных, только и всего.

– Так суть твоего предложения... короче говоря, что кенгурино в этой тетради?

– Вы так ставите вопрос...

– Должна быть сумка, так?

– Как раз на прошлой неделе в журнале была статья «Слезы сумчатых животных»...

– Ага! И коалы, по-моему, тоже к сумчатым относятся. Погоди! Мой сын носит ботинки марки «Валлаби» или как-то так. Это ведь один из видов кенгуру? Симпатичные зверюшки.

– Значит, в этой статье про сумчатых...

– Ладно! Давай договоримся к концу недели. Достаточно простого эскизика... конечно, за стены нашего отдела это не выйдет... разумеется, если твою идею примут, получишь премию. А может, и повышение. Я на тебя надеюсь!

– Так вот сумчатые... чем больше за ними наблюдаешь, тем больше понимаешь, какие это неловкие создания. Вы наверняка знаете, что высшие млекопитающие и сумчатые имеют параллельные ветви эволюции, отражающиеся друг в друге как в зеркале. Кошки и сумчатые куницы, гиены и тасманийские дьяволы, волки и тасманийские волки, медведи и коалы, кролики и бандикуты... Извините, я отвлекся.

– Если понимаешь, что сдвинулся с рельсов, надо возвращаться в колею. – Похоже, в нем бурлил адреналин, улыбка переползла с губ на лоб, в складку между бровями. – Я хочу знать, что стоит за твоим предложением.

– Например, почему в зоопарках коалы так популярны?...

– Ну-ну, давай дальше.

– Возьмем, к примеру, полосы на спинке белки. Они очень четко прочерчены и вдобавок все отличаются. А вот у сумчатых белок, поссумов, полосы блеклые, и рисунок на одной белке почти не отличишь от рисунка на другой. Или взять сумчатую мышь. Она довольно шустрая, но с обыкновенной мышью ей не сравниться. Такое впечатление, что сумчатые – лишь неуклюжие копии настоящих млекопитающих. В этих нескладках есть своеобразное обаяние, нас трогает их вид...

– К чему же ты все-таки клонишь?

– Да нет... Это я просто так.

Я почти не помню, как выбрался из отдела развития. В туалете меня вырвало – вышло со стакан желудочного сока. После работы я заглянул в пивную, заказал кружку пива, сосиски и тарелку гёдза, но мне казалось, что все провоняло дрожжами, поэтому до еды я так и не дотронулся, только выпил пиво.

Когда пиво подействовало, я снова почувствовал жжение в голених. Я потер это место рукой, на ощупь оно было шершаво-колючим, как кожица молодого огурца. Похоже, что-то изменилось по сравнению с утром, когда я заметил, что лишился волос на ногах.

Вернувшись домой, я тут же снял брюки, чтобы посмотреть, что происходит. Кожа не только загорбела, из каждой поры выпирали черные точки размером с маковое зернышко. Я понажимал на них пальцем – боли не было. На нарывы или внутреннее кровоизлияние не похоже. Может, все-таки грязь прилипла? Я залез под душ, энергично потер эти места, но ничего не изменилось. Видно, волосяные луковицы набухли, потому что на месте старых волос прорастают новые, только и всего.

Во сне мне являлись эскизы не пойми каких тетрадей, с бесчисленными карманами, налезавшими друг на друга.

– Обычно тетрадь можно запихнуть в карман, так? Приклеиваем к этой тетради еще карман... в этот карман еще одну тетрадь...

На следующее утро я проснулся еще затемно. Ноги невыносимо зудели. Густо намазал их антигистаминной мазью. Маковые зернышки разбухли, накануне вечером они были вдвое меньше. Я пригляделся. Это не просто маленькие шишечки, из-под черных зернышек показалось что-то вроде маленьких росточков. Как у пророщенных бобов, только меньше. При виде этого зрелища мне стало жутковато, и я попробовал вырвать один росток. Но целиком его извлечь не получилось – он оборвался, вытекла какая-то жидкость.

Я стал рассматривать эту штуку через увеличительное стекло, вставленное в рукоятку ножа для разрезания бумаги. В самом деле, похоже на растение. Росток, а на кончике завязь, похожая на листочек. Если это волос, он должен торчать прямо и иметь тонкий кончик. Неужели это растение? Эта мысль смутила меня.

Быстро позавтракав – только йогурт с медом, я вышел из дома. Мне казалось, что где-то за зданием районной администрации я видел вывеску кожно-урологической клиники. Было еще слишком рано, но просто сидеть и ничего не делать я не мог. А позвонить на работу, предупредить, что задерживаюсь, можно и после обследования.

Клинику я нашел сразу. Здание стояло особняком, как бы на отшибе. Да и само место было ему под стать – глуховатое, малолюдное. Как раз для пациентов с венерическими болезнями. Идеальное, когда хочешь незаметно пробраться в лечебницу.

У входа висела табличка:

«Запись на первичный прием – с 7:30. Следующий прием – строго по времени, указанному на карточке. При острых случаях обращайтесь в регистратуру».

Похоже, здесь принимают не только тех, кто норовит прокрасться незамеченным. Цены на недвижимость скачут вверх как бешеные, и даже те клиники, где дела идут хорошо, если хотят вести дело добросовестно, вынуждены устраиваться в переулках.

Справа от здания клиники был детский сад, перестроенный из жилого дома, слева – склад алюминиевых конструкций. В этот ранний час кругом было тихо. Я уселся на каменных ступеньках детсадовской лестницы, засучил брючины и содрогнулся от увиденного. Меньше чем за час «поросль» на голених заметно подросла, особенно под коленками, где тепло и влажно, а ростки, из которых вылезали листочки, постепенно наливались цветом. Я знаю это растение. Да-да! Очень похоже на пророщенный дайкон. Если приправить майонезом – пальчики оближешь. Я эти ростки раз в три дня употребляю.

Теперь, когда я понял, что к чему, мое беспокойство сменилось страхом. Захотелось завопить во все горло, заметаться по округе. На часах 6:45. До открытия клиники еще больше получаса. Но ведь у меня редкая болезнь, экстренный случай! Конечно, я имею право позвонить и попросить, чтобы врач срочно меня осмотрел.

В окне я разглядел чей-то движущийся силуэт. Терпению пришел конец. Я нажал кнопку звонка у главного входа. Реакции ноль. Я продолжал давить на кнопку, но звонка не было слышно. Сломался он, что ли? Или выключен? Постучал в дверь кулаком. Никакого эффекта.

– Прошу вас не шуметь! – послышался тонкий женский голос, в замке провернулся ключ и дверь отворилась. Пришло время открывать клинику.

– Мне срочно надо!

– Обратитесь в регистратуру, когда откроется. С высокой температурой и острой болью могут принять без очереди...

Моложавая медсестра в красном халате и круглых очках, делающих ее похожей на стрекозу, бездушно скрылась в регистрационном блоке.

– Я без температуры, и боли нет, но у меня непонятная болезнь.

Ответа не последовало. Я наклонился к низкому окошку и увидел, как Стрекоза шпилькой закрепляет на голове форменную шапочку и красешком салфетки стирает губную помаду. Не обращая внимания на мои мольбы, она сунула мне пластиковую карточку с надписью: «№ 1».

– Как пройдут все по записи – вы первый будете. Так что приходите снова часам к одиннадцати.

– Но здесь написано, чтобы обращались те, кто с острыми случаями!

– Но у вас же ни температуры, ни боли нет. Значит, это не острый случай.

– У меня на ногах дайкон прорастает!

– Что?

– Дайкон.

– Да бросьте вы!..

– Я правду говорю. Сейчас покажу.

Я засучил брючину и задрал ногу на стойку регистратуры. Поза неудобная, конечно, но ведь дело-то серьезное. Ростки заметно подросли с тех пор, как я рассматривал их на ступеньках детского сада. Теперь уж никто скажет, что их нет.

– Нельзя ли выдернуть один росточек? Я покажу доктору. Он, правда, сейчас завтракает, но...

– Appetit у него не испортится?

– Может...

Все-таки медсестра есть медсестра. Она аккуратно протерла голень спиртом, ловко подхватила пинцет. «Прошу прощения!» Такой любезности я от нее не ожидал. Она потянула росток, но он оборвался.

– Извините! Не больно?

– Ничего.

– Неудачно получилось. Не так надо было. Можно еще один?

В этот раз она действовала со всей возможной осторожностью. С ювелирной точностью. Глаза за стрекозиными очками смотрели серьезно. Я невольно залюбовался изгибом ее бровей. Под ее взглядом моя дайконная болезнь казалась еще более жалкой и отвратительной.

Поддавшись пинцету, росток выскользнул из поры. Без боли, без жжения. Скорее наоборот – я даже почувствовал облегчение, словно гнойный прыщ прокололи иголкой.

– Это ведь росток дайкона?

– Похоже, хотя надо бы еще уточнить в овощной лавке...

– А эта красная бусинка на кончике – кровь, наверное?

– Я покажу доктору.

– Спросите его: может, он прямо сейчас меня примет?

– Но у вас же нет температуры?

– Пусть без температуры...

– Сядьте здесь, подождите.

Сестра скрылась за шкафом с карточками пациентов, а я быстро спустил брючину и поставил ногу на пол. От долгого стояния на одной ноге в неестественной позе ломило бедренный сустав.

Дверь распахнулась, и на пороге возник первый пациент. Школьник с болячкой за ухом. Второй была девочка постарше с блестящими, алыми от воспаления губами. Не успевала дверь закрыться, как появлялся новый больной. К моему удивлению, большинство оказалось школьниками. Они вели себя тихо, подходили к шкафу и, выбрав комикс, садились на диванчики, листали страницы. Потом одна за другой пришли молодые женщины, их собралась целая стайка. Косметический дерматит, ожоги от растительного масла и все в таком роде. Получается, я зря грешил на это место, полагая, что здесь специализируются на венерических больных. В ожидании своей очереди женщины тайком поглядывали на меня, с подозрением, не понимая, что я делаю в их компании. Пусть уж лучше думают, что я с гонореей. Что бы с ними было, если бы узнали, что у меня на ногах вместо волос растет дайкон?

В кабинете врача заскрипело вращающееся кресло. Мне казалось, что прошло уже несколько часов, хотя по часам только шесть минут и двадцать секунд.

– Кто первый по очереди, проходите! – послышался тонкий приторный голос медсестры.

Я вскочил и у двери кабинета налетел на мальчишку с экземой за ухом.

– Осторожней!

Мальчишка лягнул и попал мне по ноге. Боли не было, но я инстинктивно вскрикнул. Сестра распахнула дверь, схватила мальчишку за руку и потянула в кабинет.

– Ждите своей очереди!

– Но у меня же первый номер!

– Сначала те, кто по очереди. Я же вам говорила!

– Но у меня острый случай! Доктор что сказал? Вы ему показали? То, что взяли на пробу?

Сестра толкнула мальчишку в кабинет.

– Возьмите себя в руки. Ну что вы препираетесь? Разве так можно?!

– Извините. Я ничего такого не хотел. Что же все-таки доктор сказал? Он согласен, что это редкий случай? Так ведь?

Кто-то кашлянул. За самой дверью кабинета, всего в паре метров. Врач?

– Это который с дайконом?

– Он ничего слушать не хочет...

От этих слов у меня перехватило дыхание, спина напряглась. Что будет, если до других пациентов клиники дойдет, в чем моя проблема? К счастью, голос у врача оказался тихий и сиплый, и в коридоре, похоже, никто его не услышал.

– А еще такие случаи были? Это очень опасно? – заискивающе допытывался я через приоткрытую дверь.

– Я послал жену к зеленщику, чтобы он подтвердил. Знаете, причиной многих кожных заболеваний является плесневый грибок, а плесень сама по себе – это разновидность растения, вот и...

– Все так. Это понятно. Но разве бывают паразиты среди высших растений?

– Я посмотрю потом внимательнее...

Сестра подтолкнула меня в спину маленькой, будто лишенной костей ручкой.

– Самые неприятные пациенты – кто заиклен на себе.

Все места на диванчиках в коридоре были заняты. Надо бы позвонить на работу. Может, лучше взять сегодня отгул. В конце концов, не мозоль намаял, дело серьезное. Я чувствовал, как под коленкой что-то постепенно растет, набухает. Я прислонился к стенке и стал ждать. Мне в голову не приходило, что в кожных клиниках может быть столько народа.

Очередь рассосалась лишь к полудню. В очередной раз я подивился своему терпению. С невинной улыбкой открыв дверь, сестра наконец соизволила пустить меня в кабинет. Теперь я мог присесть.

Доктор вышел из туалета и ворвался в кабинет как ураган, полы его белоснежного халата развевались. Сев на свое место, он потянулся, кресло под ним заскрипело.

Из глубины помещения послышался голос женщины средних лет:

– Думаешь, ничего страшного? Все-таки мы не знаем...

– Ерунда! – заявил доктор с неприятной, кривой усмешкой, не подходившей его брутальному лицу, на котором красовался плоский боксерский нос. – Извините, что заставил ждать. Сейчас у детей обострение аллергии. Поесть времени нет. Ну что? Давайте посмотрим...

Сестра постучала пальцем по краю корзинки, куда пациенты складывали одежду:

– Брюки сюда.

Взглянув на мои ноги, доктор охнул и привстал с кресла:

– Бог ты мой! Прямо джунгли какие-то... У вас это только на ногах?

– А что зеленщик сказал? Это ростки дайкона?

– Что значит его мнение? Он же не профессионал... Надо же сколько!..

Я невольно привстал на цыпочки, как бы пытаясь хоть немного оторваться от своих ног. Пока я ждал в коридоре, поросль изрядно прибавила. Быстрее всего росло у коленей. Там ростки вытянулись на целый сантиметр, и на них уже раскрылось по паре симпатичных листочков. Удивительно, что, несмотря на полное отсутствие солнечного света в этих местах, листочки отливали свежей овощной зеленью.

Доктор потянулся и сделал глубокий вдох. Он обдумывал ситуацию и одновременно старался держаться от меня на расстоянии. Зашелся хриплым кашлем и замолотил в воздухе руками:

– На койку!

Доктор наклонился над стоявшим у его ног контейнером для мусора. Он был из нержавеющей стали, с педалью, нажатием на которую открывалась и закрывалась крышка.

Сестра повела меня к стоявшей рядом кушетке, но доктор жестом остановил ее:

– Не туда! В операционную!

– Сюда! – Сестра растерянно указала мне на дверь в глубине кабинета. Я услышал, как у меня за спиной доктор давится рвотой. Его рвало как кошку, у которой в горле застряла кость.

Операционная в клинике была странная. Похожее на гараж помещение с голыми бетонными стенами, не покрытыми даже штукатуркой, не говоря уж о плитке. В придачу ко всему оно располагалось ниже кабинета врача – надо было спуститься по двум довольно крутым ступенькам. Одну из стен заменяли рольворота. И ни одного окна. Единственным источником света были закрепленные под потолком большущие светильники дневного света. Не гараж, а камера пыток. Единственным стоящим предметом здесь была кровать. Прочный металлический каркас, по бокам толстого матраса – специальные бортики, чтобы больной не свалился. Отделка под слоновую кость. У изголовья контрольная панель с разными переключателями. Наверное, для дерматологических и урологических операций тоже требуется специальное оборудование.

– Пиджак и рубашку сюда... – Желая держаться от меня подальше, сестра подтолкнула к кровати корзину для одежды.

– А почему у доктора рвота?

– Раздевайтесь и ложитесь. Вот вам одеяло. Градусник поставьте...

– Неужели у меня с ногами такая дрянь?

– Только между нами, хорошо? Доктор на завтрак как раз ел пророщенный дайкон с натто¹.

– Да-а! Неудобно получилось...

Опять пришлось долго ждать. На часы я не смотрел, но прошло, как мне показалось, не меньше часа. Я даже задремал. Проснулся, почувствовав, что сестра взяла меня за руку. Она наложила резиновый жгут на плечо, тщательно протерла спиртом локтевой сгиб. Забрала градусник.

– Можно взять кровь? – Ответить на такие вопросы нет смысла. – Извините.

Боли я не почувствовал. На одноразовых шприцах иголки колют хорошо. Да и вены у меня толстые, как дождевые червяки, поэтому задача у сестры была несложная.

Меня опять стало клонить в сон. Может, она вколола мне какое-нибудь лекарство, когда брала кровь? Я глубоко заснул. Проснулся, выпил сок, стоявший у изголовья кровати, и уснул снова.

Сколько часов прошло – не знаю. Я даже не знал, день сейчас или ночь. Попробовал пошевелиться – ничего не получилось. Руки и ноги были туго пристегнуты к кровати ремнями из синтетической резины. Кроме того, у правого уха возвышался кронштейн из нержавеющей стали, на котором с одной стороны был закреплен большой пластиковый мешок, наполненный бледно-желтой жидкостью, а с другой – прозрачный мешочек размером с кулак. Из них тянулись две трубки, подсоединенные к разъему, из которого выходила уже одна трубка. Ее-то мне и воткнули куда-то под ключицу.

В голове звучали голоса. Я смутно припоминал чей-то разговор.

– Мне кажется, плохо держится.

– Может, сделать надрез и вставить прямо в вену?

– Нет, дай я сделаю.

Все улыбаются. Все добры ко мне.

– Кенгуриная тетрадь выпрыгнула наружу, согревшись в сумке...

– Ваша моча проходит по трубке, вставленной в уретру... Все нормально. Она автоматически собирается в мочеиспускательнике...

¹ Традиционное японское блюдо из ферментированных соевых бобов. Обладает специфическим запахом и вкусом.

– Мне это не нравится. Получается, я вроде как мочусь, а потом выкачиваю мочу наружу из себя... Я так не хочу. Мне не нравится...

Наверное, сейчас ночь. Слышно, как шумит ветер. Гудит, как работающий где-то далеко радиоприемник.

– Прежде чем говорить о том, дайкон это или нет, нужно разобраться, что же такое пророщенный дайкон. Изучение данного вопроса по моей просьбе показало, что пророщенный дайкон действительно существует. Однако патентом на его производство владеет некая фирма в префектуре Сидзуока, – можно сказать, это своего рода производственный секрет, поэтому о его происхождении и характеристиках ничего не известно. Фирма утверждает, что это разновидность редиса, так называемого «двадцатидневного дайкона», и, чтобы не возбуждать недоверие культивирующих его японских фирм, она закупает семена в США, в Орегоне. Проблема заключается в том, что, как показали лабораторные испытания, ростки не могут дать редиса. Несмотря на все наши усилия. При пересадке в землю они тут же вянут и начинают гнить. И в чем причина – никто сказать не может.

– А вдруг среди растений тоже есть сумчатые виды?

Время, казалось, застыло на месте. Мне вдруг захотелось сахарной ваты.

А ветер все пел: «Ханаконда, араконда, анагэнта...»

Как ни странно, в комнате, в которой я находился, все время было светло. Из-за светильников, что висели под потолком. При этом самих ламп видно не было, их свет усиливали с умом установленные отражатели, и было трудно понять, откуда свет падает.

Постепенно стало темнеть. В чем дело? Просто решили свет экономить? Потом стала медленно открываться дверь. На полу возник круг света от карманного фонаря. Кто-то подошел на цыпочках к изголовью кровати, и луч фонаря скользнул по моему лицу. Я быстро закрыл глаза и притворился спящим. Подумал, что так будет лучше. Человек с фонарем шелкнул выключателем и повернул вверх рычаг возле рольворота, которые стали со скрежетом подниматься. Он больше не ходил на цыпочках – уже не боялся меня разбудить. Я тут же открыл глаза и сердито посмотрел на него. Но разобрать, кто передо мной, не сумел – в глаза ударил острый световой луч.

Я попытался сказать, что ничего не имею против него, что душа моя преисполнена миром, однако никак не мог найти слова. Казалось, я разучился говорить. Когда рольворота открылись наполовину, этот человек подошел к кровати и пристально посмотрел на меня с высоты своего роста. Доктор! Жаль, что не Стрекоза. Я был слегка расстроен и не мог этого скрыть.

«Я просил сестру принести мне воды со льдом», – хотел сказать я, но ничего не получилось. Голос куда-то пропал. Как ни странно, последовал ответ:

– К сожалению, сестры сейчас нет. Она только днем бывает. А жидкость вы получаете через капельницу, так что не беспокойтесь. Вам скучновато, наверное?

– Вовсе нет. Я всем доволен. Поросль на ногах тоже ведь не навек. Сойдет рано или поздно. Долго это продолжаться не может. Завтра утром, может, попробую добавить эти ростки в суп.

– Вы меня извините, но ваш случай мне не по силам. Я обсуждал его со знакомыми специалистами, но...

– А есть врачи, специализирующиеся на таких случаях?

– Нет.

– Я так и думал.

– И вы не переживаете?

– Нет. Потому что я доверился вам.

Лицо доктора стало уменьшаться, отступая к потолку. В конце концов оно приклеилось к потолку и превратилось в разбрызгиватель противопожарной системы. Неужели галлюцина-

ция? Я знал, что там висит разбрызгиватель. Жутковатый с виду, напоминающий человеческую физиономию. И в то же время это был доктор. Иллюзия и реальность где-то слились вместе. Хотя это очень странно. Есть мнение, что, если человек понимает, что перед ним иллюзия, на самом деле это и не иллюзия вовсе. Разбрызгиватель улыбнулся и извиняюще прошептал:

– Я пришел к выводу, хотя, конечно, это крайне устаревший подход, что в вашем положении единственная надежда – горячие источники. Лучше всего серные, и чем выше содержание серы в воде, тем лучше.

– Как в Долине ада?...²

– Вот-вот... Однако надо будет подобрать гостиницу, которая согласится вас принять... ведь ваши ноги не произведут хорошего впечатления на других постояльцев...

Моя кровать медленно пришла в движение. Вроде и по моей воле, и в то же время независимо от нее.

– Вы не обижайтесь. Совсем скоро рассвет, будьте осторожны, машин берегитесь!

Кровать была невероятно массивная и тяжелая, колесики маленькие, и я не ожидал, что она будет так легко катиться. Она прямо-таки скользила по земле. Возможно, кровать приводилась в движение не механизмом, а психической энергией. Нет, ерунда какая-то! Я еще не настолько выжил из ума, чтобы ожидать, что нематериальная психическая энергия способна выполнять физическую работу. Я слышал, что с недавних пор на заводах, например, для перевозки тяжелых грузов используют транспорт на воздушной подушке. Мою кровать сделала фирма «Атлас», ведущий в мире производитель госпитального оборудования, которая превосходит всех в том, что касается разных сложных функций. В ней было все, что только можно представить: плавная электрическая регулировка спинки, аккумулятор на шестнадцать часов на случай отключения электричества, вмонтированное в контрольную панель у изголовья устройство срочного вызова, кислородная маска, которая срабатывает автоматически в экстренных случаях... Но вот что странно: откуда я так много знал о медицинском оборудовании? Неужели вообразил все это? Или... что еще хуже, я занимался торговлей этими самыми штуками и просто все забыл? Что толку голову ломать? Я точно знаю одно: это кровать фирмы «Атлас» и, похоже, она способна передвигаться, откликаясь на мои мысленные команды.

Маневренность у кровати оставляла желать лучшего, скорость тоже. Она двигалась неповоротливо и тащилась еле-еле. Отчасти, вероятно, потому, что я еще недостаточно овладел способностью передавать ей свою волю. Не исключено, что, попривыкнув, я научусь лучше управлять кроватью, регулировать скорость. Я сконцентрировал энергию в одной точке посредине лба и, мысленно вызвав в воображении образ движения, выехал из гаража клиники.

О времени я имел смутное представление, но какой бы ни был час, в переулке, где я оказался, не было ни людей, ни машин. Кровать медленно поплыла по тротуару. Я услышал, как за спиной закрываются ворота.

– Спасибо за все.

Назад обернуться не получилось. Я шмыгнул носом. Мне вдруг почему-то стало грустно.

Никакой особой цели у меня не было, и я решил какое-то время двигаться на запад, потому что дорога в ту сторону шла слегка под гору. Энергию надо экономить. Мимо просеки шла молодая женщина. Недоуменно посмотрев на кровать, она перевела взгляд на кронштейн с капельницей, потом скользнула взглядом по моему лицу. Понятное дело! Попадись мне на улице больной, подсоединенный к капельнице и разъезжающий на самоходной кровати, я бы тоже наверняка решил сделать вид, что никого не вижу.

² Богатый целебными горячими источниками бальнеологический курорт, расположенный в одном из японских национальных парков в префектуре Нагано (о. Хонсю).

Следующим встретился мужчина, который от испуга и изумления с поразительной проворностью перескочил на другую сторону переулка. Он наклонил голову набок и кинулся бежать, то и дело встряхиваясь всем телом, будто пытался определить, сколько же он сегодня выпил.

Мимо проехало такси. Я даже не снизил скорость.

Крепко привязанный к железной кровати, я какое-то время колесил по улицам. В конце концов я понял, что на катанье по тротуарам, со съездами и заездами на бордюры, уходит больше энергии, чем я предполагал. Мне это надоело, и я решил дальше ехать прямо по дороге вместе с автомобилями.

Я повернул за угол высокого здания, и тут на меня налетел сильный порыв ветра. Махровое полотенце сорвало с ног. Холод пробирал до костей. Попробовал снова укрыть ноги, но помешали ремни, которыми меня пристегнули к кровати. Черт! Но куда больше холода меня беспокоило, что снаружи оказалась редисочная поросль, буйным цветом распускаявшаяся на моих ногах. Может статься, прохожие уже не будут так безразличны к этой картине, как до сих пор. Из несчастного инвалида я в одночасье превратился в монстра.

И у прохожих, которым раньше было все равно, может появиться искушение сделать из меня отбивную котлету на манер суда Линча.

На ветру ноги стали замерзать. Неужели эти ростки забирают у меня энергию, лишают возможности удерживать тепло в организме? Если бы я только мог пошевелить хотя бы правой рукой! Я попытался собрать в пучок всю психическую энергию и направить кровать подальше от чужих взглядов. И наверное, перестарался – кровать налетела на бордюр и застряла одним колесом в решетке водосточной канавы. Застряла намертво – ни туда ни сюда.

По моему лицу скользнул луч фонаря. Слава богу! Это или доктор, или медсестра. Наконец-то этот долгий кошмар кончился. К несчастью, ни доктора, ни сестру я не увидел. Вместо светильника дневного света в глаза била мощная лампа, какие используют на стройках. Вместо разбрызгивателя я видел перед собой белый шлем. Человек в строительной робе водил по подбородку электробритвой и смотрел на меня. Глаза с похмелья были красными и водянистыми.

– Здесь опасная зона. Через час начнут работать самосвалы, вы будете мешать.

Тут только я заметил, что застрял как раз напротив стройплощадки. Толстая нейлоновая сеть закрывала строительные леса. А обратившийся ко мне человек, видимо, охранник, совершавший обход.

– Ну кто в такое место сам захочет...

Голос вернулся! Я снова почувствовал свой язык, и губы нормально шевелятся. Действие анестезии кончилось. Я слегка повернул головой вправо-влево. Правая рука была связана с капельницей, но от локтя все равно двигалась довольно свободно. Доктор перед тем, как выкинуть меня на улицу, ослабил ремни? Ноги тоже стали отходить. Одеяло, которое сдуло было ветром, в какой-то момент снова оказалось поверх моих ног.

– Мне кажется, вы серьезно больны. Если вы хотите кому-нибудь сообщить, скажите, не стесняйтесь.

– Ну уж нет! Пожалуй, я больше не могу ни на кого полагаться.

– Вас что, бросили?

– Может, и бросили.

– Кто же так с вами?... Больница? Родственнички? Надо же что творят! А у вас мешок на капельнице почти пустой.

– Остается только сдохнуть...

– Бросьте вы! Куда мне позвонить? Если парковка в неположенном месте, значит в полицию, если негабаритные отходы – в администрацию района, если брошенные инвалиды – пожарникам... Это зависит от вашей гордости.

Сказать по правде, я бы хотел вернуться в кожную клинику. Конечно, под конец они обошлись со мной по-хамски, но мне казалось, что между мной и костлявой медсестрой в стрекозиных очках установилось что-то вроде взаимопонимания. Да и с врачом мы, наверное, нашли бы общий язык, будь у нас больше времени.

Они же не просто выставили меня на улицу, а выделили дорожную кровать. Взять мать, которая собирается бросить ребенка. Как говорят, если оставляет при нем дорогие вещи, значит твердо решила от него избавиться.

Ладно, хватит! Что-то я совсем расклеился. Лучше всего – просто ждать, когда в капельнице кончится питательная жидкость и я загнусь вместе с ростками.

– Эй! – воскликнул вдруг охранник, попыхивавший сигаретой у изголовья кровати. – Здесь же багажная бирка висит. Может, вы что-то вроде посылки? – Он посветил фонарем на бирку, привязанную проволокой к ножке кровати. – Похоже, вас отправили на какой-то серый источник. Что-то про ад... Не разберу. Чернила расплылись... Получается, вы потерянная вещь. Позвоню-ка я в полицейский участок.

Небо начало постепенно светлеть. Сегодня его опять застилали толстые, будто выглаженные утюгом облака, и надеяться на то, что ростки сами собой завянут, не приходилось. Вдруг в нейлоновую сетку с громким стуком врезалось какое-то насекомое и застряло в ней. Похоже, цикада.

Мелко семена, вернулся обратно охранник. На обочине дороги остановилась большая бетономешалка, коротко прогудел клаксон. Охранник в ответ подал сигнал свистком и стал закручивать вверх сетку. Запутавшаяся в ней цикада упала на землю, как птичий помет. Наверное, она была мертвая. Водитель бетономешалки перед тем, как проехать на стройплощадку, с подозрением скользнул по мне взглядом, но на этом его интерес иссяк. Охранник оперся о край кровати, наклонился ко мне и, закулив сигарету, зашептал:

– Гляньте! Под данхилловскую зажигалку сработана. Марка «Данваль». Даже в ломбарде не отличат от настоящего «Данхилла». Из участка связались с патрульной машиной. Мне кажется, им о вас еще раньше сообщили. Могут привлечь за нарушение правил парковки. Хотя какое тут нарушение? Я никак не пойму, чем они заняты в своих кабинетах.

В бледно-матовом свете утра я увидел, что мешок на капельнице пуст. Теперь у него был красноватый оттенок, цвет старой сушеной каракатицы. Мне тоже, видимо, осталось недолго.

Подкатила патрульная машина, резко ударила по тормозам. За ней следовал грузовичок с краном, на борту которого было написано: «Эвакуатор». Из машины вылез средних лет полицейский в форменной фуражке:

– Это он?

– Спасибо, что приехали! – Охранник с довольным видом отдал честь.

Полицейский извлек из плоской папки для документов несколько карточек размером с почтовую открытку и показал мне одну.

– Видите?

– Вижу.

– У вас такой вид, будто на вас воду возили. Понимаете, что на картинке?

– Понимаю.

– Ну и что же?

– Свинья.

– Правильно, свинья. Но что у нее не так? Чего-то самого важного не хватает. Интересно: чего же? Ну-ка попробуйте ответить. – Он нажал кнопку секундомера на часах.

Я сразу заметил. У свиньи не было хвоста. Изображение представляло собой грубый набросок, сделанный без отрыва карандаша от бумаги. Грубо нарисованная свинья тянула рыло к грубо нарисованному корыту. С какой целью полицейский задавал мне эти вопросы? Каковы бы ни были его намерения, с самого начала было ясно, что он хотел, чтобы я сказал: «Хвост».

Я взъерился. Если бы полицейский предъявил мне какие-то претензии за ростки дайкона на ногах, я бы, вероятно, отреагировал мягче. Но допрос, который он мне устроил... Это просто недопустимо! Это же личное оскорбление! Кипя от злости, я стал перечислять недостатки в изображении свиньи:

– Вот смотрите! Свинья повернулась к корыту, тянет к нему рыло, но голова повернута под совершенно ненормальным углом. Так она околеет с голоду. У нее что, со зрительными нервами проблема? Далее, где у нее язык? Что-то не видно. Пасть широко открыта, следовательно должен быть виден язык. Без языка она точно загнется. О-о! Я понял, в чем дело. Вы хотите, чтобы на ваш вопрос я ответил: «Хвоста»? Если я скажу: «Хвоста не хватает», по-вашему получится, что я сдал экзамен? Ничего подобного. Вы сказали, что не хватает самого важного. А ведь для свиньи хвост совершенно не важен. Коли свинья пожелает спариваться, у нее это замечательно получится и с отрезанным хвостом. На мой взгляд, нормальные зрительные нервы и язык куда важнее. Можете упрашивать сколько хотите, но сказать: «Хвост» – меня не заставите.

Полицейский нажал на кнопку секундомера, кивнул и что-то записал в блокнот. Полагая, что моя наблюдательность приведет его в восхищение, я, уйдя в себя, ждал реакции. После небольшой паузы полицейский с деловым видом заговорил в рацию:

– Шестьдесят шесть секунд. Коммуникативность – ноль. Индекс сопротивляемости, пожалуй, между семью и восьмью.

Он поднял руку, давая знак эвакуатору.

– Что вы собираетесь делать?

Но мне больше никто не отвечал. Трубка капельницы, торчавшая где-то под ключицей, катетер в уретре... Я даже пошевелиться толком не мог, не то что сопротивляться.

Кровать у изголовья зацепили краном эвакуатора и подняли. Охранник, наблюдавший за происходящим со стройплощадки, приложил ладонь к шлему и проводил меня виноватой улыбкой. Мои глаза наполнились слезами. На какую автостоянку меня везут? Лучше бы доставили обратно в дерматологическую клинику.

Эвакуатор постепенно набирал ход, не обращая внимания на бешеную тряску. Скорость была уже километров тридцать пять. Я не видел ничего, кроме неба, поэтому не представлял, куда меня везут, полностью потерял ориентировку. И никак не мог очнуться от этого сна.

Эвакуатор резко остановился. Мы оказались у входа то ли в шахту, то ли в тоннель. Может, это депо для поездов подземки? Ветер приносил из глубины резкий влажный запах.

– Вроде сера, да?

– Сероводород.

Эвакуатор стал подавать назад, где начинался спуск. Крюк крана отсоединился, и кровать, медленно набирая скорость, покатила под уклон. Я ее больше не контролировал. Это было физическое движение, пересилившее мои мысленные намерения. Кровать катилась легко и скоро уже неслась во весь опор. Может настать момент, когда я лишусь сознания. Шмыгая сочившимся носом, я выдернул из голени один росток и стал жевать. Вкус оказался знакомый, чуть солоноватый.

Неужели после того, как в капельнице иссякнут последние капли питательной жидкости, мне останется поддерживать жизнь, доедая эту гадость?

2

Поэт-шартрез

Прошло минут двадцать после того, как меня вместе с кроватью сбросили в тоннель, как в бак с мусором. Под кроватью копошились какие-то твари, смахивающие на морских звезд. Может, это они являются источником энергии, приводящей кровать в движение? Она все катилась и катилась вниз.

Какое-то время продолжался крутой спуск, кровать дергалась, как мышь, через которую пропускают ток. Как она не врезалась в стену, ума не приложу. Разве что кровать оборудована автоматическим устройством, предотвращающим столкновения? Маловероятно. Даже кровати «Атласа», известного на весь мир, не будут оснащать функциями, не имеющими отношения к основному назначению изделия. Логичнее предположить, что на полу тоннеля образовалась колея, по которой я качусь, как по рельсам.

Сколько же нужно времени, чтобы накатать такую колею в бетоне! Кто знает, вдруг по городу каждую ночь, как бездомные собаки, бродят сотни, нет, тысячи железных кроватей? Откуда они берутся и зачем колесят по улицам – неизвестно, но может статься, что скитающиеся кровати вовсе не такая уж большая редкость, и всякий раз, как в полицию поступает звонок: мол, обнаружена кровать, – на место тут же отправляют тягач с распоряжением захватить ее и спустить в этот тоннель.

Колесики визгливо закрипели, кровать подскочила. Резкая боль разлилась под ключицей, откуда торчала трубка капельницы. Пластырь отклеился, и я истекаю кровью? Темнота пугала. Мне нужен свет!

Мочевой пузырь тоже получил мощный толчок. Чем меньше становилось питательной жидкости в капельнице, тем больше раздувался мочеприемник. Он стал напоминать жабу, грозя лопнуть в любую минуту. А вдруг моча потечет в обратную сторону! Если хочешь помочь и не можешь, тут уж не до смеха. Когда я учился в школе, у нас был классный руководитель, который страдал от аденомы простаты. Однажды рано утром у него вдруг случился приступ анурии. Он бросился к врачам, но было еще слишком рано. Несчастный бегал вокруг клиники, которая никак не хотела открываться, и в итоге от отчаяния покончил с собой, зажав голову в прутьях металлической ограды. Мы тогда были детьми, – а дети жестоки, – и относились к этому происшествию как к большой хохме. Сейчас я очень этого стыжусь.

После толчка кровать стала двигаться по-другому. Беспорядочные толчки и вибрация сменились плавным мерным покачиванием. Кровать больше не раскачивалась из стороны в сторону, колеса мерно постукивали через равные промежутки времени. Неужели в результате толчка кровать встала на настоящие рельсы?

Это было бы слишком здорово. Потому что даже на узкоколейках расстояние между рельсами больше, чем ширина моей кровати. Может, для нее подойдут рельсы от обезьяньей железной дороги, которую можно увидеть в парке развлечений? Или те, по которым катают вагоны в шахтах?

Я вспомнил, как люди, отцепляя мою кровать от тягача, перешептывались друг с другом:
– Вроде сера, да?
– Сероводород.

Совпадение? Если мне уготован рудник, где добывают серу, тогда это рельсы, по которым на вагонетках возят серную руду. Доктор из урологической клиники тоже об этом говорил. Заявил, что, кроме серных источников, ничем мою болезнь не вылечишь. Конечно, в клинике со мной обошлись недоброжелательно, но мне ли жаловаться на такое обращение. Очевидно, все было сделано так, как доктор написал в истории болезни.

Размеренный перестук колес на стыках действовал на меня усыпляюще и в то же время вызывал ностальгические чувства. Мне снилось, что я проваливаюсь в дыру, а через нее в другую, еще глубже. Стоп! Этот образ может пригодиться. Дыра в дыре. Было в этом что-то непристойное, но, может, как раз то, что надо для кенгуриной тетради. Надо бы кое-что записать. А чем? Что бы такое придумать?

Пучок света!

Сетчатка отреагировала на него даже сквозь опущенные веки. Я приоткрыл глаза, совсем чуть-чуть. Кто-то с помощью фонарика проверял рефлексы моих зрачков. Я с трудом оторвал язык от пересохшего верхнего нёба и умоляюще обратился к человеку, которого еще даже не разглядел:

– Дайте, пожалуйста, воды. В капельнице уже ничего нет...

Фонарик потух. Надо мной был потолок. Разбрызгиватель с лицом человека. Хитро устроенные светильники дневного света без колпаков, заливавшие помещение отраженным светом. Ничего не произошло, я по-прежнему лежу на кровати в операционной. Сны, слишком близкие к реальности, вредны для здоровья. Я чувствовал себя выжатым как лимон.

– Меняют, когда время придет.

Тут только я заметил, что мешок с жидкостью на капельнице уже заменили. Теперь в нем плавала багрово-красная золотая рыбка, из тех, какие можно увидеть только в ларьках, которые появляются во время какого-нибудь праздника.

– Извините! Меня, похоже, здорово растрясло на этом транспорте.

– Полагаю, это аутоинтоксикация организма из-за ваших ростков.

В стрекозиных очках медсестры отражалось мое ухо. Стекла в очках, как мне показалось, были без диоптрий.

– Не могли бы вы дать мне лекарство от морской болезни?

– Я не могу давать препараты, которые не записаны в вашей истории болезни.

– Знали бы вы, как меня трясло по дороге!

– Закатайте-ка рукав, я возьму у вас кровь.

– Тряска как при землетрясении. Наверняка больше пяти баллов.

– Извините, но мне надо измерить длину ростков.

Она сняла одеяло. Пальцы сестры, в которые как будто забыли вставить суставы, стали копаться в густо разросшихся редисочных ростках.

– Щекотно же!

– Ну и заросли! Вот что значит на хорошем питании.

Кажется, у меня эрекция. Абсурд какой-то! Вот уж чего сейчас мне совсем не нужно. Во-первых, это неприлично, и, кроме того, можно получить серьезные повреждения уретры и почек – ведь у меня же катетер вставлен. Надо думать о чем-то другом, отвлечься. А рельсы на стыках отбивали ритм, настойчиво и точно, словно пульсировали:

Ханаконда, арагонда, анагэнта.

Красным перцем все натрешь

И в кожуру от банана это же и завернешь.

Стишок, как припев к какой-то песенке, родился сам собой. Совершенно бессмысленный, он тем не менее здорово подходил к перестуку рельсов.

Анабэнда, анагонда, анагэнта.

Красным перцем все натрешь

И в кожуру от банана это же и завернешь.

Я постепенно наращивал темп и в итоге приспособил к этим словам мелодию одной песенки, которую поют дети, играя в мяч. В моем исполнении было что-то мазохистское и в то же время бодрое, живое. Я распалялся все сильнее, отчего, наверное, улыбка на лице сестры стала постепенно таять. Ее стрекозиные очки тоже начали расплываться и присосались к лицу-разбрызгивателю на потолке, превратившись в старомодные очки в черной эбонитовой оправе. Лицом этот разбрызгиватель – вылитый мой отец. Я прекрасно понимал, что передо мной самый обыкновенный разбрызгиватель, но одновременно это был отец. Совершенно точно. Невысокий, с крупной головой и подпрыгивающей походкой, он по неведомым мне причинам много лет жил отдельно от моей матери. Поэтому, кроме высоких начищенных ботинок из дубленой кордовской кожи и очков в черно-зеленой роговой оправе, которую отец выдавал за черепаховую, я больше ничего о нем не помню.

Все это время кровать катилась и катилась вперед. Черета звуков, ветерок, обдувающий лицо, и непрерывающаяся тряска... Но ведь кто-то заменил мне мешок на капельнице. Это же факт. Надо как-то решить, в какой реальности я нахожусь. Чтобы избавиться от одолевавших меня видений-паразитов, я сосредоточился, изо всех сил стараясь прогнать картины, которые разворачивались за моими зажмуренными глазами. Меня пронзил болью электрический разряд. Лицо-разбрызгиватель исчезло в одно мгновение.

Секунд через десять вместо разбрызгивателя появились обычные лампы. Натриевые, дающие оранжевый свет, какие часто встречаются в тоннелях. По пути следования они сменяли друг друга каждые тринадцать секунд. Моему однообразному путешествию не было видно конца.

Арабэнта, ханагонта, анагэнта...

Рельсы гудели все печальнее, песня утихала и наконец смолкла совсем.

Чтобы отвлечься, я выдернул несколько ростков и пожевал. Вкус оказался свежий, чуть солоноватый, привычный вкус пророщенного дайкона. Единственное – не хватало соли. Я лизнул вспотевшую руку. Вкус соли прочистил горло. Ну подумаешь, пот, ничего такого в этом нет.

С ума можно сойти от скуки! Как бы развеяться? Попробуем решить задачу.

Задача: зная время, за которое кровать проходит между источниками света, вычислить скорость кровати.

Слишком просто? Предположим, что расстояние между двумя лампами – двадцать пять метров, я проезжаю его примерно за тринадцать секунд, следовательно скорость кровати... Сначала нужно двадцать пять разделить на тринадцать, получится скорость в секунду... $25:13 = \dots$ Ерунда какая-то! Ни бумаги, ни карандаша... без них ничего не получится. В голове резануло скальпелем, острым, как собачий свисток, настроенным на высокую частоту. Видимо, арифметические задачи не для моего случая.

Я сделал несколько глубоких вдохов и сосредоточился на перестуке кроватных колес, считая остающиеся позади рельсовые стыки.

Три тысячи шестьсот шесть... три тысячи шестьсот семь... Мое занятие прервала вибрация, за которой накатывал подземный гул. Три тысячи шестьсот восемь... Что это? Встречный поезд? Вряд ли, но от этой мысли все равно стало не по себе. Я приподнялся на локтях и, неловко вытянув шею, стал всматриваться в глубину тоннеля. Глядя на лампы, понял, что тоннель впереди по кривой уходит в сторону. Хотя видно было плохо, мне удалось сделать критическое для себя открытие. Здесь же всего одна колея! В любой момент мы можем столкнуться!

Грохот нарастал. Скоро он словно пробкой заткнул тоннель, заполнив его целиком. Звук был как от пяти десятитонных грузовиков. Сцепка вагонеток, груженных серной рудой? Если

они налетят на кровать – разобьют вдребезги, а от меня только мокрое место останется. Я приготовился к худшему: выдал мощную струю мочи и правой рукой стиснул трубку капельницы.

Послышался пронзительный прерывистый гудок. Головные фонари приближающегося чего-то плавно расстилали передо мной сотканный из света занавес.

Медицинская карта, о которой говорил доктор... Надо же такое ляпнуть! Скорее всего, он вообще ничего в ней не записал. Я не хочу, чтобы так все кончилось. Мог бы, по крайней мере, сказать, какой серный источник мне нужен.

Кровать резко качнуло в сторону. Я уж думал, что мне конец, но буквально в последнюю секунду столкновения удалось избежать. Видимо, к счастью, есть еще что записать в мою карту. Стрелка перескочила, и кровать перешла на запасной путь. Я весь взмок от пота. Очень хорошо! Пот потом пригодится, как добавка к росткам дайкона.

Едва не коснувшись кровати, мимо пролетели пять сцепленных вагончиков. Пыль, поднятая воздушным потоком, заставила меня несколько раз чихнуть. Странно! Буквально в нескольких сантиметрах от меня пронеслись не вагонетки, как я ожидал, а разукрашенный миниатюрный поезд вроде тех, что колесят в парках развлечений. Особенно выделялись кричащие узоры вокруг окон. Скорее всего, их нанесли люминесцентной или флуоресцентной краской; в свете мощных натриевых ламп, даже притушенном фильтрами, эти картинки выглядели аляповатыми и безвкусными.

Музыка? В том, что я слышал, были звуки и циркового духового оркестра, и популярной песни, и, может быть, просто ветра...

Так или иначе, это был очень странный поезд. В парках развлечений такими поездами часто управляют дистанционно. Никто не удивляется, видя поезд без машиниста или кондуктора. Парк закрылся, время вышло, пассажиров, естественно, быть не должно. Но если один пассажир все-таки был? Я забеспокоился: как такое возможно? Я видел маленькую девочку, она стояла за стеклянной дверью второго вагона и махала рукой. Меня насторожило, как она это делала. Девочке лет шесть-семь, самое большое – десять. Было ей просто весело или же она отчаянно пыталась что-то дать знать? Девочка прижалась щекой к стеклу, ее миндалевидные глаза с опущенными книзу уголками широко открыты, казалось, они вот-вот перельются через край. Что у нее на лице: улыбка или испуг? Пока я не мог ответить на этот вопрос.

Подо мной раздался легкий шум вращающихся колес. Кровать медленно возвращалась на основной путь. Видимо, встречного движения пока не ожидалось, поэтому можно было не спешить. Интересно, куда поезд уносил эту девочку? В парках развлечений такие поезда обычно ходят по замкнутой петле. Меня вместе с кроватью выбросили либо на конечной, либо на станции отправления. Значит, поезд может вернуться обратно? Или я не заметил, что на маршруте где-то есть развилка? Есть и такая возможность: людям надоел этот поезд, и для разнообразия решили запустить по петле мою кровать. Специальный экспонат на выставке гигиены и санитарии – первый в мире пациент с пророщенным дайконом! Вместо того чтобы отправить на серный источник, меня будут возить по ярмаркам до тех пор, пока мое тело не превратится в ящик для выращивания дайкона...

Хотя можно смотреть на это более оптимистично. Как приятно представить, что миниатюрный поезд предназначен специально для перевозки людей, прошедших курс лечения на горячих источниках. И может быть, эта девочка за стеклом вагона, с такими глазами, бойко махавшая мне рукой, возвращалась домой с курорта, где лечилась от паразитировавшего на ногах бальзамина. В таком случае она просто прелестное дитя с очаровательной улыбкой. Раз так, надо было получше разглядеть форму ее губ.

Мое монотонное путешествие продолжалось.

Мне нужны витамины и белок. Я надергал щепотку ростков, слегка проредив поросль так, чтобы не было несимпатичной лысины и убыль распределялась более-менее равномерно. Провел рукой по боку, собирая пот, облизал пальцы и стал жевать, объедая в первую очередь

листочки. Хорошо бы еще соевого соуса – я привык приправлять им пророщенный дайкон, но положение не позволяло привередничать. Стебельки я доел только из чувства долга.

До прибытия на горячий источник делать было нечего, я закрыл глаза и заснул. Надолго? Глубоко? Не знаю. Проснулся и снова провалился в сон.

Черт! Я все-таки жрать хочу! Опротивели уже эти овощи! Мне нужен крахмал или протеин. Хочу гёдза и лапшу!

Сколько же я проспал? Час? Сутки? Все! Не могу больше! Всякому терпению есть предел.

Кровать продолжала катиться по рельсам, и я заметил, что ветер, который задувал навстречу, стал сильнее. Это просто тоннель пошел под уклон или меня ждет еще что-то новенькое?

У ветра был особый навязчивый запах. Сера? Нет, сера пахнет по-другому. Пахло как в подземном шопинг-молле, чем-то органическим. По вечерам, после окончания рабочего дня, когда сброс воды из зданий резко падает, в эти подземелья проникает липкий, как клей, запах сточных вод. Основной его компонент не сера, а аммиак. Говорят, иногда крысы не выдерживают этого запаха и, спасаясь от него на поверхности, мечутся по улицам, где их и поджидают старые бездомные кошки.

Мой экипаж описал по рельсам крутую дугу и резко остановился.

Я услышал, как вода плещется о какую-то преграду. Не обращая внимания на боль, я приподнялся и повернул голову вправо. Идущая от капельницы трубка впивалась в тело у правой ключицы, мешая поворачиваться в левую сторону.

Тоннель кончился. Дорогу под прямым углом преграждал подземный канал, над которым возвышался высокий арочный свод. В прошлом это была река, по которой ходили баржи, но с развитием транспортной сети ее загнали под землю и теперь сливали туда дождевую и другую воду.

Рельсы вместе с тоннелем обрывались у похожей на причал конструкции. Остановившись здесь, моя кровать терпеливо ждала чего-то. Возможно, нас должен встретить паром. Вода в канале была черной и спокойной, на ее гладкой поверхности отражались висевшие под потолком светильники. Галерея – видимо, для инспекции объекта, – огражденная металлическими перилами. Зеленая будка с телефоном экстренной связи. Табличка голубого цвета, на которой что-то написано белой краской – название улицы или здания, стоящего наверху. К сожалению, чтобы разобрать, что написано на этом знаке, находившемся на другом берегу канала, не хватало света. Если зажать нос и дышать только ртом, ощущение такое, что находишься в городе на воде.

Какая-то тварь, похожая на поросенка и вымазанная в мазуте, проплыла по каналу справа налево. А вдруг это растолстевший кенгуру? По водной глади медленно расходились волны. Над водой торчала только голова зверя. По строению черепа было ясно, что это млекопитающее, непонятно лишь, какого вида. Челюсти не имели ничего общего с человеком. А раз это не человек, то сообщать об увиденном я никому не должен.

Волны по воде разбегались уже не так широко. Лодка? Донесся негромкий скрип весел и шум воды, плещущейся о борт. Очень похоже на введение к пинкфлойдовскому хиту «Sorrow». Эту вещь сотворила в 1987 году новая группа, которую образовал Роджер Уотерс после того, как в *Pink Floyd* возник конфликт и он оттуда ушел. Я долго был фанатом Уотерса той поры, когда он чисто брил свою лошадиную физиономию, поэтому, возможно, относился к этой вещи с некоторым предубеждением. Хотя само введение неплохо, в нем здорово передана прежняя атмосфера. Если мне представится шанс вернуться домой, еще раз переслушаю весь *Pink Floyd*.

У входа в тоннель показался рыбацкий баркас. Его направляло против течения весло на корме. Весло было, а гребца не было. Автоматический вращающийся механизм винтового типа – штука не особо редкая, а вот спроектировать сложное устройство, обеспечивающее

возвратно-поступательное движение, как у весла, – задача, должно быть, не простая. Зачем понадобилось тратить столько времени на это дело? Единственная причина, которая приходит в голову, – желание избежать шума, производимого винтовым механизмом. Неужели это шпионский баркас, на который возложена особая миссия?

Медленно повернувшись носом, баркас стал приближаться к причалу. Его плоская носовая часть возвышалась над водой почти вровень с причалом. На палубе были положены рельсы, ширина которых соответствовала колее моей кровати. Длина рельсов составляла не больше трех метров. Видимо, этот импровизированный паром приплыл, чтобы забрать меня.

Интересно, поезд, где была девочка с запомнившимися мне глазами, с которым я разминаясь в последний момент, тоже перегружали на этом причале? Баркас подошел к стенке, сработало причальное устройство. Кровать осторожно двинулась вперед, заехала на палубу, после чего причальная рампа поднялась и баркас отчалил. Под тяжестью кровати он осел больше, чем я думал, и с каждым накатом волны вода омывала палубу. Я согнул колени и плотно укрыл одеялом ноги. Будет ужасно, если ростки дайкона – ценный источник пищи – намокнут в грязной воде. Баркас развернулся и поплыл вниз по течению. Весло, чуть подрагивая, свободно скользило в воде; похоже, его главной функцией было управление баркасом.

Баркас был примерно восемь метров в длину. На носу и корме – по высокой мачте, правда без парусов. Между мачтами натянута обвитая электрическим проводом веревка. Похоже, раньше, до того как суденышко переделали в паром, его использовали для ловли каракатицы. Посреди палубы крытая рубка. Внутри лестница в грузовое помещение. Стараясь не напрягать мышцы живота, чтобы не давили на мочевой пузырь, я громко крикнул:

– Эй! Есть тут кто?

Усиленный арочным сводом, голос отлетел от потолка гулким эхом, отражаясь от стен, раскололся на бессмысленные звуки и трансформировался в протяжный вой, не уступающий тому, что издает тибетский дунгчен³.

Баркас плыл по течению, весло тихо поскрипывало. Мы оставляли позади выступы и каменные лестницы с перилами, к которым можно было причалить, но баркас не приближался к ним, будто удерживаемый враждебным чувством.

По пути попала одна табличка, надпись на которой мне удалось разобрать, потому что она оказалась прямо под лампой освещения и иероглифы на ней были простые.

«Миккадо»... Что-то шевельнулось в моей памяти.

«В это время человек сидел на втором этаже „Миккадо“ и смаковал шоколадное парфе».

Точно! С этой фразы начинается триллер, который произвел на меня глубокое впечатление. Роман называется «Взрыв в „Дайкокуя“»⁴.

Года четыре назад мне прислали посылку с тремя отцовскими книгами, оставшимися после его смерти. Одна из них и была «Взрыв в „Дайкокуя“». Две остальные – руководства по проведению фармакологических экспериментов с органическими и неорганическими веществами. Специализированные справочники, которые обыкновенный человек читать не станет, если только не собирается кого-нибудь отравить. От нечего делать я прочитал «Взрыв» три раза.

³ Духовой инструмент, широко использующийся в церемониях тибетского буддизма.

⁴ «Дайкокуя» – японская компания, специализирующаяся на купле-продаже и залоге драгоценных металлов и камней, часов и других товаров мировых марок. Владеет более чем двадцатью торговыми центрами в разных районах Японии.

У меня не было никаких обязательств перед умершим отцом. Родители давно разошлись, мать умерла пятью годами раньше. Кто послал мне вещи отца, с какой целью и каковы были намерения отправителя – не знаю. Как бы то ни было, наследство есть наследство. Не мог же я выбросить книги в мусорное ведро. Листая страницы, я заметил отметки, оставленные отцом, и не мог оторваться от книги.

Первая половина представляла собой совершенно нелепую, банальную приключенческую историю. Но во второй части я обнаружил комментарий под заголовком «Поэт-шартрез», написанный другом писателя. Этот текст сыграл роль в процессе доказательства невиновности Летуна-Полосатика. Мне кажется, есть основания подозревать, что автор романа и его близкий друг, автор комментария, – на самом деле одно и то же лицо. Отец был так уверен в этом, что сделал пометку в книге (и я с ним полностью согласен).

В своей книжке Летун-Полосатик предупреждает о взрыве, готовящемся по тщательно разработанному плану. В то время сеть «Дайкокуя» была в центре внимания Кабутотё⁵, поскольку считалась звездой среди универмагов новой волны, активно теснивших давно признанные, старые торговые фирмы. Естественно, книга, в которой фигурировала реально существующая скандально известная компания, сразу стала бестселлером. Конечно, это всего лишь книга; на самом деле никакого взрыва не произошло. Однако придуманная автором шутка неожиданно оказалась связана с подлинным событием, когда другой любитель пошутить бросил в канал водонепроницаемую петарду с часовым механизмом, который сработал и вызвал взрыв (тогда этот канал еще не убрали под землю, он использовался для транспортировки пиломатериалов на склады в Киба⁶).

Газеты и радио в открытую называли Летуна-Полосатика преступником, ходили слухи, что полиция тоже; правда, она в отличие от журналистов действовала скрытно – начала под него копать. Одна из причин подозрительного отношения к писателю состояла в том, что Летун-Полосатик часто заглядывал в «Миккадо», располагавшееся по соседству с «Дайкокуя». Но автор «Поэта-шартреза» весьма убедительно доказывал: писатель совершал поступки, схожие с линией поведения его главного героя, поскольку на собственном опыте хотел добиться, чтобы история выглядела достоверно, а вовсе не действовал как злоумышленник, заранее изучающий место будущего преступления. Тем не менее мой отец поставил на этой странице красным фломастером вопросительный знак и мелко написал карандашом:

«Преступника всегда тянет на место преступления».

Разумеется, защита «поэта-шартреза», на которую поднялся его близкий друг, не ограничилась только этим первым шагом. Все, кто хотя бы раз видел улыбку поэта, в которой сквозила едва заметная грусть, были убеждены в его добрых намерениях. Его взгляд, озаренный чистым непорочным светом, напоминающим брызги души, голос, действующий как бальзам, смягчающий уколы, которые преподносит людям жизнь, естественным образом притягивали к нему и мужчин, и женщин.

Кое-кто ставил ему в упрек, что он готов волочиться за каждой юбкой, однако девушки сами добивались сближения с ним и не скрывали этого, было бы неправильно его осуждать.

А все дело в зависти, ревности, обиде... Но у нашего «поэта-шартреза» были свои проблемы, касавшиеся только его одного. Во-первых, он страдал от хронического воспаления желчного пузыря. И зеленоватая кожа на его лице, привлекавшая всех женщин, – это не божественное откровение, а всего лишь симптом обратного тока желчи.

Это расстройство способствовало углублению ошибочных представлений об этом человеке. У больных хроническим холециститом кровь застаивается во внутренних органах,

⁵ Район, где располагается токийская фондовая биржа, токийский Уолл-стрит.

⁶ Располагающийся в Токио центр деревообрабатывающей промышленности, получивший развитие с середины XVII в. В 70-е годы XX в. был расширен за счет отвоеванных у Токийского залива насыпных территорий.

поэтому сразу после приема пищи необходимо прилечь минимум на полчаса, а то и на час, если пища была жирной. Нужно, чтобы уровень крови, поступающей в печень и выходящей из нее, был одинаков, в противном случае цвет кожи начинает меняться – сначала она сереет, потом становится багровой. Это может привести к тому, что человек уже не встанет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.